

Самый странный чиновник

Владимиру Григорьеву 60 лет. Книгоиздатель, продюсер, заместитель руководителя Роспечати. Самый странный чиновник из всех, с кем мне доводилось иметь дело.

Как я понимаю, чиновник – это человек, который по определению ограждает себя от любой ответственности, стараясь свалить ее на другого. В этом и стратегия, и тактика чиновничьей жизни. Всякая инициатива наказуема. А Григорьев все время что-то такое новое придумывает, и ответственность за то, что он придумывает, всегда лежит на нем. Не получится, скажут: у Григорьева не получилось. Не у кого-то. У него... Просто всегда получается. Получается, и все. То ли рука у него легкая, то ли удача всегда на его стороне. На самом деле – просто умеет. И любит свое дело.

Когда в своем телефоне я слышу голос его секретаря: «Приемная Григорьева. С вами хочет поговорить Владимир Викторович», – я сажусь, если лежу, и встаю, если сижу. То есть поступаю ровно наоборот тому, что советовал Уинстон Черчилль: сидеть, если можно не стоять, и лежать, если можно не сидеть. Но если звонит Григорьев, я знаю, что сейчас нужно будет не лежать и не сидеть, а ходить по комнате, слушать и очень быстро соображать, а это лучше делать на ногах.

Последний раз я так ходил по комнате зимой этого года, когда он позвонил и предложил возглавить жюри премии имени Валентина Распутина. Премия еще не была даже учреждена, а вручение должно было состояться 15 марта, в день рождения классика, то есть примерно через полтора месяца. За такой короткий срок

организовать создание новой литературной премии вроде бы невозможно. Но – дело берет в свои руки президент Российского книжного союза Сергей Степашин, подключается генеральный директор издательства «Вече» Леонид Палько, – и все как-то так быстро завертелось, что я и опомниться не мог, как уже объявлял лауреатов премии в Иркутске.

И с Григорьевым так всегда. Если он что-то предлагает, можно легко соглашаться, потому что дело выйдет. И будет сделано хорошо. При этом участия самого Григорьева как-то даже не заметно. Писатели привыкли видеть его на парадных, «фасадных» мероприятиях, вроде открытия очередного русского стенда на очередной книжной ярмарке, где Россия в очередной раз является почетным гостем. Мы привыкли видеть его на открытиях и фуршетах, потом он вдруг куда исчезает, растворяется, и дело крутится без него, как бы само по себе. Писатели – народ самолюбивый, капризный, они уверены, что так оно и должно быть, что главные тут они, что все это ради них, а уж кто и как это все устраивает – вопрос ничтожный. Попробовали бы они сами, своим, так сказать, ходом приехать на ярмарку и продать свою книгу какому-нибудь зарубежному издателю. «Здравствуйте! Я – великий русский писатель! Купите у меня книгу!»

Писатели, дорогие! На самом деле мы никому там не нужны. У них своих писателей хватает. И если в 2011 году по инициативе в том числе Владимира Григорьева не был бы создан Институт перевода, не было бы ваших гениальных книжек на английском, французском и других благозвучных языках. Ну, или практически бы не было.

Если бы в 1992 году Григорьев вместе с Олегом Васильевым и Глебом Успенским не создали издательство «Вагриус» и там не появились бы сначала «черная», а потом «серая» серии современной русской прозы, трудно сказать, что было бы с современной литературой. В 90-е годы она превратилась в «гуляйполе», и очень многих, и меня в том числе, это поначалу даже радовало. Пока я не увидел известного писателя в подземном переходе, где он пытался продавать свои книжки. И

понял, в книгоиздании происходит что-то не то...

«Вагриус» с его серийным изданием современной прозы был таким же культурным прорывом, как альманахи «Знания» Горького в начале XX века. У русской прозы на новом этапе исторического развития страны стало появляться свое лицо. В серии печатали Солженицына и Аксенова, Битова и Пелевина, Лимонова и Шишкина и многих других, стариков и молодых. Проза эта была многоликой, но на любой книге словно стоял незримый «знак качества». И это было уже не «гуляйполе», а реальная новая русская словесность.

Когда в 2005 году объявляли об учреждении литературной премии «Большая книга», на презентации кто-то из писателей шепнул мне: «Эта премия убьет все остальные». Ничего, не убила. Больше того, за время существования «Большой книги» появилось еще много новых премий. Просто «Большая книга», создание которой инициировал Григорьев, – главная. До этого главной премией был «Букер» – «дочка» ведущей английской премии. И вот это было глубоко неправильно и, я бы сказал, национально унижительно. Так что Григорьев – конечно, большой либерал, но он настоящий патриот.

Книжный фестиваль «Красная площадь» – тоже идея Григорьева. Идея, кажется, такая простая и такая очевидная: каждое лето к дню рождения нашего главного писателя Пушкина устраивать праздник книги на главной площади страны. Но почему-то она не пришла в голову и тем более не была реализована нигде в мире. Григорьеву это удалось. А как – мы этого даже не заметили.

Я знаю, что Григорьев читает некоторые книги на стадии верстки, до того, как они вышли. Поэтому он всегда в тренде, а отчасти этот тренд и создает. Посмотрите, как мгновенно, всего за год-два раскрутилась молодежная литературная премия «Лицей». Уже выходят книги ее лауреатов и финалистов в самых престижных издательствах, уже они видят себя реальными писателями.

И так происходит со всем, у истоков чего стоит Владимир Григорьев. А как это у него получается, не знаю.
С юбилеем, Владимир Викторович!

Павел Басинский